

УДК 130.2

АРХИТЕКТОНИКА ЛОКАЛЬНОГО СВЕРХТЕКСТА КУЛЬТУРЫ¹

Л.М. Гаврилина

ФГБОУ ВО Московский государственный институт культуры», г. Москва

В процессе анализа концептуальных особенностей понятия «локальный сверхтекст культуры» в качестве одного из основных критериев рассмотрен бинарный принцип, формирующий «антитетическую напряженность» ценностно-смыслового ядра текста. Это позволило выйти на понятие архитектоники как выражение внутреннего конструктивного единства локального сверхтекста.

Ключевые слова: *локальный текст, локальный сверхтекст, архитектоника, семиосфера, текстуальное пространство культуры.*

Анализ и интерпретация культурных текстов сегодня – один из признанных методов исследования культуры. Текстуальное пространство культуры – семиосфера – в исследованиях Ю.М. Лотмана и других участников тартуско-московской семиотической школы обрело границы, структуру, членение по вертикали и горизонтали. Семиосфера была рассмотрена как «котел текстов и кодов, разноуровневых и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням» [12, с. 325]. Предмет нашего интереса в данном случае – феномен локального сверхтекста, его внутренняя организация и место в семиосфере локальной/региональной культуры.

Всплеск исследовательского интереса к локальным или городским текстам культуры, который мы наблюдаем последние двадцать лет, совпал по времени и смысловым интенциями визуального, пространственного и эстетического поворотов. К феноменам *города и места* обращаются исследователи многих научных направлений, рассматривая их под разными ракурсами. Наиболее плодотворными в данном контексте оказались исследования в области *local studies, urban studies, spatial studies*, культурной географии, обратившейся к исследованию образа места, культурных ландшафтов, ментальных карт города; дискурс провинции. Мощный импульс исследованию локальных текстов в русскоязычном гуманитарном знании дал получивший широкую известность сборник «Семиотика города и городской культуры. Петербург» [17]. Статьи В.Н. Топорова, Ю.М. Лотмана, З.Г. Минц, М.И. Безродного и других вызвали, по словам А.П. Люсого, в современном российском гуманитарном знании «настоящую текстуальную революцию» [14], которая «отличается от региональных исследований на Западе тем, что каждый региональный текст представляет собой не какую-то сугубо региональную точку зрения, а попытку концептуального “выворачивания” всей России через себя» [15, с. 8]. Представляется, что глубинной причиной возросшего в российском гуманитарном знании внимания к локальным текстам

¹ Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного РГНФ (грант №15-03-00797).

является «цветущая сложность» (К.Н. Леонтьев) русской культуры с присущим ей разнообразием – ландшафтным, этническим, языковым и религиозным. Осмысление этого многообразия и соотнесение его с неким целым лежат в основе локальных и региональных исследований в России.

Текстуальное пространство локальной/региональной культуры – сложно организованное многоуровневое единство. Нам представляется важным разделять понятия «локус как текст», «локальный текст» и «локальный сверхтекст».

Локус как текст (природный и культурный ландшафт, особенности организации пространства, климатические явления, архитектура, история места и т. д.). Любая локус-территория может быть рассмотрена как текст. Это является закономерным следствием и продуктом социокультурной деятельности, в ходе которой человек не только физически преобразует окружающий мир, но и семиотицизирует его и, таким образом, вводит в семиосферу национальной культуры. «Осваивая место, избранное для жизни, человек “вырывает” его из “немого доселе ландшафта”, осваивая его как утилитарно, так и организуя символически... Локус-территория, становясь местом жизни, вовлекается в историю» [10, с. 53].

Локальный текст (образ локуса в художественных текстах, музейных экспозициях, публицистике, рекламе и т. д.) складывается благодаря переживанию/осмыслению специфики локуса и запечатлению в текстах культуры. Чаще всего исследуется локальный текст литературы. Термин *локальный текст*, получивший сегодня столь широкую известность, по видимому, был введен в оборот В. Абашевым в его работе о пермском тексте [1, с. 36]. Сегодня можно говорить о сложении устойчивого дискурса вокруг феномена петербургского текста, активно обсуждаются пермский, крымский, московский, сибирский, алтайский, северный, поморский и калининградский тексты. Локальные тексты рассматриваются как форма осмысления/переживания социокультурных особенностей того или иного локуса и механизм реперезентации/конструирования идентичности региональных сообществ.

Локальный сверхтекст представляет собой более высокий уровень обобщения, это смысловое синтетическое образование, состоящее из возникших в образе мира культуры и закрепившихся в дискурсе стереотипов и символов как семантических единиц и интерпретационного кода. В его сложении важную роль играет рефлексия по поводу его существования и предпринимается та самая «попытка концептуального “выворачивания” всей России через себя», о которой мы упоминали выше. Локальный сверхтекст выполняет метатекстовую функцию по отношению к первым двум образованиям [6].

Понятия «локальный текст» и «локальный сверхтекст» имеют общее смысловое поле, но не являются тождественными. Понятие сверхтекста, находящееся в генетической связи с концептом петербургского текста В.Н. Топорова [19], подспудно сохраняет его основные характеристики, включая *сверхуплотненность и сверхсемиотичность, мифологичность*, обретая тем самым очень высокую планку и строгие критерии отбора, по-

этому лишь немногие из локальных текстов могут претендовать на звание **локального сверхтекста**. Круг сверхтекстов невелик, их рождение всегда носит эксклюзивный характер, можно говорить об *объективных и субъективных*, необходимых и достаточных факторах их формирования. *Объективные* факторы связаны с особенностями самого центрирующего текст фундамента. Яркая самобытность, неповторимая индивидуальность, культурная значимость локуса, особенности его истории, мифогенность создают условия для возникновения «монолитности максимальной смысловой установки» (В.Н. Топоров), необходимой для сложения сверхтекста. *Субъективные* факторы связаны с творческими особенностями создателей текстов, формой выражения и запечатления содержания.

Именно **локальные сверхтексты** оказываются в этой иерархии наиболее яркими, значимыми не только в локальном или региональном измерении, но и в национальном культурном космосе. Загадка их рождения, особенности устройства, их эстетическая притягательность, способность оказывать воздействие на культуру – круг проблем, которые вызывают наибольший интерес у исследователей. Сложился обширный корпус текстов – культурологических, филологических, исторических, краеведческих, – свидетельствующих об устойчивом локальном текстологическом дискурсе. Получившие широкую известность работы В.Н. Топорова, Ю.М. Лотмана, В.А. Абашева, Н.Е. Меднис, А.Г. Лошакова, А.П. Люсого, Г.М. Казаковой, О.С. Шуруповой, Е.Ш. Галимовой и других позволяют очертить круг идей, получивших признание, и сформулировать базовые идеи концепта локального сверхтекста культуры.

Исходным является тезис о том, что *город, место, локус, регион* («локус-территория» [10]) представляет собой **«смыслонаполненное и смыслообразующее пространство»** и может быть рассмотрен как «генератор текстов» (Ю.М. Лотман). Семиосфера локальной/региональной культуры сохраняет все базовые характеристики семиосферы как таковой и состоит из многообразных разноуровневых текстов и кодов, сфокусированных на осмыслении/переживании и репрезентации «места».

Можно выделить ряд признаков локального сверхтекста, которые получили признание исследователей. **Локальный сверхтекст:**

- представляет собой **незамкнутую устойчивую совокупность текстов**, «объединение автономных текстов, отмеченное ассоциативно-смысловой общностью» [13], сложную «систему интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию» [16], ему присущи единство и семантическая связность [19];

- обладает **единством лексики и интерпретационных кодов**. В рамках сверхтекста складывается единый характерный для него специфический локальный словарь и формируется определенная интенция в интерпретации субтекстов;

- организован на основе **принципа ценностно-смысловой центрации** [13]. Сверхтекст принципиально культуроцентричен. На основе осмысления/переживания центральной идеи складывается **«максимальная смысловая установка»** (В.Н. Топоров), которая способствует формирова-

нию концептуального **ядра** сверхтекста. В этом – его существенное отличие от гипертекста, у которого отсутствует ядерная структура. По способу организации сверхтекст – единое семиотическое пространство, имеющее центр и периферию, его границы открыты и закрыты одновременно;

- представляет собой «**культурную реализацию локального мифа**» [15, с. 8]. Развивая тезис В.Н. Топорова о том, что петербургский текст есть порождение не столько реального города (город как текст), сколько петербургского мифа, исследователи приходят к выводу о том, что «для возникновения сверхтекста локус должен обладать наряду с исторической, культурной, социальной и любой иной значимостью также и мифологическим, символическим смыслом, переживаться как мифологическое образование» [8].

Принимая эти базовые утверждения, рассмотрим еще один критерий локального сверхтекста – его **антитетичность**. Бинарный принцип строения ценностно-смыслового ядра сверхтекста достаточно широко обсуждается в рамках текстуального дискурса, однако пока не получил всеобщего признания. Наиболее развернуто эту «антитетическую напряженность» петербургского текста раскрыл В.Н. Топоров, показавший, что антитеза природы/культуры, жизни/смерти, Москвы /Петербургу и т. д. носит системообразующий характер для локального сверхтекста. «Антитетическую напряженность» обнаружили и другие исследователи в целом ряде текстов:

пермский текст (В.В. Абашев) – антитеза идей мессианской избранности пермской земли и ее проклятости [1];

сибирский текст (К.В. Анисимов) – отчуждение и присвоение/освоение территории обширного региона [2];

северный текст (Н.М. Терехихин) – антиномии Севера и Юга; края земли (край в версте от ада) и сердца России, выражение ее души, ее загадки [18];

крымский текст (А.П. Люсый) – Крым как окраина империи и полюс (остров), как «наш» и «не наш: античный, татарский; симулякр свободы и место сакрализации мучеников» [14];

провинциальный текст (Л.О. Зайонц) – антитеза двух «неразрывно связанных друг с другом смысла – убогого никчемного захолустья и потеряннного рая» [9];

калининградский текст (Л.М. Гаврилина) – довоенное/послевоенное, чужое/свое, немецкое/российское [7].

Несмотря на очень существенное влияние работы В.Н. Топорова и привлекательность его модели петербургского текста, вряд ли только этим можно объяснить представленные выше выводы. Есть целый ряд локальных текстов, в том числе, московский, в которых исследователи не обнаруживают бинарности, но при этом выражают сомнение в существовании московского сверхтекста. Попытка О.С. Шуруповой наряду с бинарностью в сверхтекстах выделить принципы единства и тернарности (на примерах московского и венецианского текстов литературы) не выглядит убедительной [20]. Если принцип бинарности представляется достаточно универ-

сальным для рассматриваемого материала, то два других обнаружены автором в единичных случаях и поэтому вызывают сомнение.

«Монолитность максимальной смысловой установки», способствующая формированию ценностно-смыслового ядра сверхтекста, складывается на основе оппозиции, проблемы, некоего зримого противоречия, присущего данному локусу. Сквозь призму этой установки воспринимается и оценивается реальность. Важно подчеркнуть, что взаимодействие двух противоположных и противостоящих друг другу начал является не условно-случайным, а сущностно обусловленным. Из их «неслиянности и нераздельности» вырастают единство, цельность и целостность локального текста. Это хорошо коррелирует с его мифологическими истоками, предполагающими нерасчлененность, синкретизм, нерелексивность.

Такой способ организации локального сверхтекста может быть адекватно и точно определен через понятие *архитектоники*, получившее достаточно широкое распространение в современной филологической, культурологической и философской литературе. Пришедший из теории архитектуры и искусствоведения термин «архитектоника» (тектоника) обозначает «отражение конструкции предмета или постройки в их художественном образе; зрительную передачу тяжести и противодействующих ей статических усилий, а также совокупность приемов такой передачи» [3, с. 599].

Нам представляется точным в данном контексте бахтинское понимание архитектуры как *неслучайности упорядочивания смысла при создании некоей целостности*. В произведении «Автор и герой в эстетической деятельности» М.М. Бахтин определил архитектуру как «воззрительно необходимое, не случайное расположение и связь конкретных, единственных частей и моментов в завершенное целое...» [4, с. 72]. Он подчеркивал, что такого рода неслучайная (закономерная?), воззрительно (наглядно? эстетически?) необходимая связь возможна вокруг человека-героя, т. е. субъекта, наделенного неповторимой самостью, своеобразием, характером. Представляется, что в контексте современных «local studies» таким своеобразным «героем», центром притяжения, наделенным своеобразием, может быть представлен *локус, место* – с его неповторимым единством истории, географии, мифологии.

Принцип архитектуры отражает борьбу, противостояние двух начал: силы и тяжести, несущих и несомых частей сооружения, которое выглядит надежным, жизнеспособным, психологически устойчивым и эстетически привлекательным. Когда мы говорим об архитектонике локального сверхтекста, мы имеем в виду именно такое устойчивое, неслучайное, «воззрительно необходимое» расположение и связь конкретных частей и элементов целого. Напомним, что наряду с ним в искусствоведении используется и понятие «*атектоничность*», которое описывает состояние неустойчивости, ненадежности конструкции, ее нежизнеспособности. Представляется убедительным характеристика архитектуры культуры «как смысловой конструкции, органически связующей культурную семантику и социодинамику, раскрывающей внутреннее единство ценностно-

смыслового и социально-исторического аспектов национальной культуры как целого и объясняющей ее историю исходя из ее феноменологии как имманентную логику поступательного становления и развития во времени и пространстве» [11, с. 159].

Можно проиллюстрировать особенности архитектоники локального сверхтекста на примере его калининградского варианта. Его важнейшей системообразующей особенностью является «граница», которая разделяет и соединяет, предельно активизирует процессы семиозиса, создает его «антитетическую напряженность», определяет максимальную смысловую установку калининградского текста, она обозначает и предел, и переходы, взаимодействие двух сторон: Кенигсберга и Калининграда, того, что было «до» и «после», «у них» и «у нас».

В калининградском образе мира, запечатленном в локальном сверхтексте, острые шпили кирпичной готики соседствуют с золочеными маковками русских церквей. Мотив противостояния/взаимодействия двух культур обыгрывается через сопоставление двух главнейших символов – Кафедрального собора (или Королевского Замка) и Дома Советов (или нового храма Христа Спасителя). В последние годы доминирующим становится не противостояние, а возможное взаимодействие, однако дуализм, пограничность и «антитетическая напряженность» сохраняются.

Лейтмотивом калининградского текста стало осмысление границы противостояния/взаимодействия двух культур. Его архитектоника отражает постоянно идущий диалог:

...Сплошной палимпсест:

как будто бы под штукатуркой
в Тильзите, который – Советск,
читаешь готический текст
на булочной в том переулке,
где дом твоих предков. И кот
по имени Васька с опаской
по ковanej *ими* идет
решетке, веселенькой краской
покрашенной *нами* [6, с. 151].

В постоянном сопоставлении – «до» и «после», «они» и «мы», «ими» и «нами», «Тильзит» и «Советск», «готический текст» и «кот Васька» – ощущение «двоемирия» закрепилось в сознании калининградцев. Оно настойчиво фиксируется в художественных текстах, музейных экспозициях, фотоальбомах, в бытовой лексике и т. д., являясь характерной особенностью культурной памяти и основой архитектоники калининградского локального сверхтекста.

Используя понятие архитектоники, мы стараемся подчеркнуть наглядный, образный характер отражения внутреннего конструктивного (смыслового) единства во внешних «зримых» формах, в их пространственно-временных членениях. Представляется, что применительно к локальному сверхтексту это понятие будет более точным, чем понятия структуры, морфологии или композиции. Такого рода взаимодействие основных эле-

ментов, «антитетическая напряженность» ценностно-смысловых установок являются, на наш взгляд, стержнем локального сверхтекста.

Список литературы

1. Абашев В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: [Б.и.], 2008. 492 с.
2. Анисимов К.В. От редактора // Сибирский текст в национально-сюжетном пространстве: коллективная монография / отв. ред. К.В. Анисимов. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2010. 237 с.
3. Аполлон. Изобразительное и декоративное искусство. Архитектура: Терминологический словарь. М.: Эллис Лак, 1997. 736 с.
4. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. С. 9–226.
5. Викторова Л. Руина // Солнечное сплетение. Современная калининградская поэзия. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. С. 39–140.
6. Гаврилина Л.М. Калининградский текст как метатекст культуры // Кантовский сборник. 2010. № 3. С. 64–79.
7. Гаврилина Л.М. Генезис калининградского текста: проблема культурного наследия // Вестн. славянских культур: науч.-информ. журн. 2015. №4(38). С. 21–37.
8. Галимова Е.Ш. Северный текст в системе локальных (городских и региональных) сверхтекстов русской литературы. URL: http://narfu.ru/ifmk/cen_lab/ntext/files/galimova/pdf.
9. Зайонц Л.О. «Провинция» как термин // Русская провинция: миф – текст – реальность. М.; СПб., 2000. С. 12–20.
10. Казакова Г.М. Социокультурный регион как фрагмент семиосферы // Вестн. Челябинского государственного университета. 2009. №18 (156). Философия. Социология. Культурология. Вып.12. С. 53–57.
11. Кондаков И.В. Архитектоника русской культуры // Общественные науки и современность. 1999. № 1. С. 159–172.
12. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2010. С. 150–390.
13. Лошаков А.Г. Сверхтекст как словесно-концептуальный феномен. Архангельск: Поморский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2007. 344 с.
14. Люсый А.П. Крымский текст в русской литературе. СПб.: Алетейя, 2003. 314 с.
15. Люсый А.П. Московский текст: Текстологическая концепция русской культуры. М.: Издательский дом «Вече», 2013. 320 с.
16. Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск, 2003. Электронный ресурс. URL: <http://www.rassvet.websib.ru/chapter.htm?no=35/>

17. Семиотика города и городской культуры. Петербург // Труды по знаковым системам. 18. Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1984. Вып. 664. 139 с.
18. Терехин Н.М. Метафизика Севера. Архангельск: Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2004. 272 с.
19. Топоров В.Н. Петербург и петербургский текст русской литературы // Метафизика Петербурга: Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 1. СПб., 1993. С. 205–235.
20. Шурупова О.С. Основные принципы строения концептосферы городского текста // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 15. С. 1051–1055. URL: [http://e-koncept.ru / 2016/96127/htm/](http://e-koncept.ru/2016/96127/htm/)

ARCHITECTONICS OF THE LOCAL SUPERTEXT OF CULTURE

L.M. Gavrilina

Moscow State Institute of Culture (Moscow)

The binary principle that forms the «antithetical tension» of a valuable and semantic kernel of the text is considered as one of the main criteria applied for the analysis of the particular features of the concept of «local supertext» of culture. It allows to come to the concept of architectonics as an expression of the internal constructive unity of the local supertext.

Keywords: *local text, local supertext, architectonic, semiosphere, textual space of Culture.*

Об авторе:

ГАВРИЛИНА Лариса Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории культуры, этики и эстетики ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры», Москва. E-mail: gavrilina_larisa@mail.ru

Author information:

GAVRILINA Larisa Mikchailovna – Ph.D. (historical sciences), associate professor of the department cultural theory, ethics and aesthetics of the Moscow State Institute of Culture, Moscow. E-mail: gavrilina_larisa@mail.ru